

Глава 32. Кусочки рыбы в соевом соусе (часть 1)

—

— Мы можем составить письменный договор. Мой счетовод привык к таким делам. Если ты не против, я поручу ему все написать? — Вэй Лянцэ указал на стоящего рядом Ми Канпина.

Цзи Жунся слегка приуныл и ответил:

— Хорошо.

— Приходите в час Шэнь (15:00–17:00), я испеку лепешки прямо при вас. Но сначала вы должны заплатить, а также оставить один лян серебра в качестве задатка. Если вы не придете к часу Ю (17:00–19:00), эти деньги я не верну. Для слоеных лепешек нужно и муку переводить, и мясной фарш готовить. Если вы не явитесь, я просто останусь в убытке, напекши столько лепешек. — Пока он говорил, к нему снова вернулось хорошее настроение: в конце концов, он все равно оставался в выигрыше.

— Все верно, — без колебаний согласился Вэй Лянцэ. — Чтобы показать серьезность моих намерений, я дам вам пять лянов серебра в качестве залога.

У Цзи Жунся не было причин отказываться.

Стороны быстро обо всем договорились. Гу Танцзинь принес бумагу и кисть, и Ми Канпин привычной рукой составил договор. Цзи Жунся слегка толкнул Гу Танцзиня локтем в бок. Тот с улыбкой взял бумагу, внимательно перечитал ее от начала до конца и, убедившись, что все в порядке, спокойно передал фулану.

Цзи Жунся сразу понял намек: раз Танцзинь так спокоен, значит, в договоре нет никаких подводных камней.

Он тоже сделал вид, что внимательно изучает написанное.

Что ж, его недавние уроки грамоты не прошли даром — большинство иероглифов на бумаге он уже знал.

— Все верно, — не подавая виду, произнес Цзи Жунся.

Вэй Лянцэ и Цзи Жунся написали свои имена и приложили к бумаге отпечатки ладоней.

Каждой стороне досталось по экземпляру договора.

Вэй Лянцэ тут же отсчитал и передал Цзи Жунся пять лянов серебра.

Убедившись, что все дела улажены, Гу Танцзинь и Цзи Жунся проводили гостей до дверей.

Как только за ними закрылась створка, Цзи Жунся наконец дал волю своему восторгу.

— Посмотри! Танцзинь, скорее посмотри на этот договор! Правда же, он прекрасен?! — взволнованно заговорил Цзи Жунся, быстро похлопывая Гу Танцзиня по плечу.

Гу Танцзинь кивнул:

— Да, очень красивый.

— Матушка, отец, правда же, отличный договор? — повернулся Цзи Жунся к Яо Тяньлань и Гу Чуньцаю.

Яо Тяньлань улыбалась так, что были видны все зубы:

— Хорош, очень хорош!

Гу Чуньцай приоткрыл было рот, собираясь сказать свое слово. Секретный рецепт — вещь ценная, его нужно беречь для своей семьи, а не продавать чужакам. Ладно бы один раз, но нельзя превращать это в привычку. Он никогда не слышал, чтобы повара зарабатывали на жизнь распродажей своих рецептов — так делают только никчемные расточители. Но ведь этот рецепт принадлежал самому Жунся, к тому же они с Танцзином были так счастливы, что у него просто язык не поворачивался вылить на них ушат холодной воды.

Яо Тяньлань и без слов прекрасно поняла, о чем он думает. Она тайком ущипнула мужа за поясницу, требуя, чтобы он помалкивал.

Гу Чуньцай охнул от неожиданности:

— Ой!

А затем покорно замолчал. Он ведь и так не собирался ничего говорить.

Гу Танцзинь, будучи человеком весьма проницательным, конечно же, заметил эту безмолвную сцену между родителями.

Однако он прекрасно понимал: сейчас Жунся думает лишь о том, что они наконец-то смогут купить землю, и ни о чем другом не размышляет.

Отец беспокоился совершенно напрасно.

И действительно, едва утихла первая волна радости, Цзи Жунся аккуратно сложил договор, небрежно сунул его Гу Танцзиню на хранение и принялся тереть ладонями свои слегка покрасневшие щеки.

— Мы сможем купить землю! — воскликнул он и тут же спохватился, что еще не говорил родителям об этой задумке. Он поспешно бросил на Гу Танцзиня умоляющий взгляд, ища поддержки.

Гу Танцзинь с улыбкой пришел ему на выручку:

— Мама, отец, мы с Жунся хотим купить немного пахотных земель за пределами уездного города.

Что именно они собираются там выращивать, он уточнять не стал.

Да и разве нужны были какие-то оправдания для покупки земли? Конечно нет, ведь Яо Тяньлань и Гу Чуньцай сами спали и видели, как бы обзавестись своими наделами!

Услышав это, Яо Тяньлань окончательно успокоилась. Жунся все-таки ребёнок практичный: понимает, что нежданное богатство нужно сразу пускать в дело — покупать землю или лавки, чтобы спать спокойно.

На лице Гу Чуньцай тоже прибавилось радости:

— Хорошее дело. Земля никогда лишней не будет. Я поспрашиваю у знакомых, может, кто как раз собирается продавать свои участки.

Сказать по правде, Гу Чуньцай и сам частенько задумывался о покупке земли. Без собственного надела на душе всегда было как-то тревожно. Вот только раньше все деньги уходили на учебу Гу Танцзиня и его подготовку к императорским экзаменам. К тому же за эти годы семья перестроила дом и ресторан, возвела несколько новых комнат — серебро утекало рекой, и Гу Чуньцаю пришлось оставить эти мысли до лучших времен.

Ур-р-р...

В тишине двора отчетливо раздалось урчание в животе Цзи Жунся.

Он смущенно прижал ладонь к животу:

— Совсем забыл, мы ведь так и не закончили завтракать!

Он сам же первый и рассмеялся, и вслед за ним веселым смехом залился весь двор.

Гу Танцзинь отправился на кухню, чтобы принести оставшуюся еду. Цзи Жунся вприпрыжку двинулся было за ним, но Яо Тяньлань поймала его за руку:

— Вот поедите, и сразу ступайте за мукой и мясом. Раз взяли у людей серебро, надо сделать все на совесть и испечь им лепешки. Если вдвоем не будете справляться, мы с отцом поможем.

— И раз уж дело выгорело, сегодня перед наступлением темноты обязательно сходите к твоим родителям. Расскажите им обо всем. Когда у вас появится собственная земля, твоей семье будет гораздо проще и увереннее держать себя перед родней Цянь Сюэчэна. — Яо Тяньлань ласково погладила руку невестки, давая наставления.

Цзи Жунся послушно закивал:

— Я все понял, матушка.

Пшеничная каша с обжаренной свининой в остро-сладком соусе оказалась невероятно вкусной! А из-за отличного настроения еда казалась еще более изысканной.

После завтрака Гу Танцзинь и Цзи Жунся отправились за мукой и свининой. Вообще, в их ресторане были запасы, но все они предназначались для ежедневной торговли. Для выполнения такого крупного заказа требовалось закупить ингредиенты отдельно.

В час Шэнь (15:00–17:00) Вэй Лянцэ и Ми Канпин прибыли точно в срок.

Цзи Жунся, чувствуя ответственность за полученные деньги, подошел к делу со всей серьезностью. Он не только попросил Гу Танцзиня написать для гостей подробный рецепт, но и шаг за шагом объяснял весь процесс прямо во время выпекания лепешек.

Он пересмотрел столько обучающих видеороликов в своей системе, что скопировать манеру тамошних мастеров не составило для него никакого труда.

Цзи Жунся даже настоял на том, чтобы Гу Танцзинь лично показал гостям, как правильно вымешивать тесто, а сам взялся обучать их тонкостям запекания.

Надо сказать, что в замешивании теста Гу Танцзинь преуспел невероятно!

Вэй Лянцэ и Ми Канпин никак не ожидали, что хозяйева отнесутся к обучению с таким рвением. Изначально они вовсе не собирались сами пачкать руки в муке, но в итоге ушли, освоив процесс почти полностью.

Уходя, они уносили с собой не только корзину с пятьюдесятью лепешками, но и целый багаж кулинарных хитростей.

— Эти сорок лянов серебра потрачены не зря. Мы с тобой теперь сами хоть завтра у печи встать можем, — весело хлопнул друга по плечу Ми Канпин.

Вэй Лянцэ согласно кивнул. Обе стороны остались чрезвычайно довольны сделкой, втайне считая, что именно им досталась лучшая выгода.

Закончив со всеми делами, Цзи Жунся, весело напевая под нос незамысловатый мотивчик, взял Гу Танцзиня под руку, и они не спеша пошли в сторону дома семьи Цзи, согреваемые теплыми лучами предзакатного солнца.

Когда они проходили мимо лавки семьи Лян, торгующей маньтоу, старая матушка Лян проводила их злобным взглядом.

Пребывающий в прекрасном расположении духа Цзи Жунся ничего не заметил, но от внимания Гу Танцзиня это не укрылось.

— Что случилось? — спросил Цзи Жунся, почувствовав, что муж замедлил шаг. — Устал за день? Ноги болят?

— Нет, все в порядке, — покачал головой Гу Танцзинь и увлек его за собой дальше.

— Кого это принесло в такое время? Скоро совсем стемнеет, — недоумевала Хун Юэлянь, услышав стук в ворота.

— Вы ведь только вчера у нас были, — увидев на пороге Гу Танцзиня и Цзи Жунся, Хун Юэлянь расплылась в улыбке и поспешно увлекла их в дом.

Цзи Жунся огляделся по сторонам:

— Мама, как во дворе чисто и прибрано! Не иначе как Сяо Хэ и Цао-гэр постарались?

Он даже засомневался, точно ли пришел в свой родной дом.

Дворик у них был совсем крошечный. Там и без того едва хватало места из-за колодца и навеса, под которым отец и старший брат занимались плотницким делом, так что во дворе вечно царил теснота.

Сейчас вещей во дворе меньше не стало, но все они были разложены так аккуратно, что любо-дорого посмотреть. С земли убрали сорняки, все ямки засыпали, а разбросанные щепки и обрезки дерева, которые обычно валялись вокруг навеса, теперь были аккуратно сложены в одном месте. Благодаря этому порядка прибавилось, да и места как будто стало больше.

В летний зной в комнатах было невыносимо душно, зато вечером во дворе дышалось легко и приятно. Чтобы разогнать назойливую мошкарку, хозяйева подожгли сухую полынь. Сяо Хэ и Цао-гэр сидели в восточной части двора, сматывая пеньковые нити, а рядом с ними, спасаясь от жары, сидел Цянь Сюэчэн.

Отец Цзи Жунся и его старший брат, пользуясь последними минутами уходящего дня, торопливо строгали доски.

— А то как же! Ребята у нас работающие, — с гордостью улыбнулась Хун Юэлянь. Взять племянников к себе было вынужденной мерой, но дети оказались послушными и скромными, так что теперь она была только рада их присутствию.

— Брат Жунся, Гу-сюцай! — звонко поздоровалась Сяо Хэ.

Цао-гэр, опустив голову от застенчивости, тоже тихо произнес:

— Брат Жунся, Гу-сюцай.

— Какие умницы, — улыбнулся Цзи Жунся и достал из корзины две кунжутные конфеты.

Эти сладости они купили по дороге в кондитерской лавке семьи Лю. Приходить в гости с пустыми руками не хотелось, а времени на приготовление подарков сегодня совсем не было — весь день прошел в хлопотах на кухне. Вот они и решили купить полцзиня кунжутных конфет.

Сяо Хэ вежливо приняла угощение:

— Спасибо, брат Жунся!

Цао-гэр тоже едва слышно прошептал:

— Спасибо, брат Жунся.

Цзи Жунся махнул рукой:

— Ешьте на здоровье.

— Что это за запах? Кажется, у кого-то что-то подгорело, — вдруг принялся Гу Танцзинь.

Цзи Жунся, который до этого был увлечен разговором с детьми, тоже потянул носом воздух:

— И правда, пахнет горелым!

— Ах, моя рыба на плите! — всплеснула руками Хун Юэлянь и со всех ног бросилась на кухню.

Из-за последних переживаний, связанных с семьёй Цянь, Цянь Сюэчэн чувствовал себя неважно, и Хун Юэлянь решила приготовить для него рыбу, чтобы поддержать силы невестки. Эту рыбу она только сегодня выменяла у рыбаков на пристани — улов был свежайшим.

Цзи Жунся поспешил следом за матерью. Рыба уже успела основательно подгореть. Впрочем, даже если бы она не сгорела, есть ее было бы невозможно: чешую с нее снять даже не подумали.

— Мама, оставь, я сам все сделаю, — Цзи Жунся тут же залил огонь в очаге.

Хун Юэлянь заупрямилась:

— Я сама справлюсь!

Цянь Сюэчэн тоже поднялся со своего места, собираясь помочь:

— Жунся, не нужно, мы с матушкой сами все закончим.

— Гэ-фулан, сиди и отдыхай, тебе нельзя перенапрягаться, — сначала остановил его Цзи Жунся.

Затем он указал на крупного карася и с самым серьезным выражением лица повернулся к матери:

— Мама, ты приготовила эту рыбу так, что она даже глаза закрыть не может от ужаса. Прояви милосердие, позволь мне подарить ей достойную кончину.

— Посмотри сама: с одного бока она сгорела, с другого — осталась сырой! В ее глазах до сих пор застыл немой вопрос: за что ей такая участь? Такая славная, упитанная рыба выросла, а погибла столь бесславной смертью!

Гу Танцзинь изо всех сил сжал губы, стараясь не рассмеяться.

Плотник Цзи не выдержал и громко фыркнул от смеха.

Хун Юэлянь вспыхнула от досады:

— Ты чего зубы скалишь?! Я тут, понимаешь, у плиты спину гну, а от вас никакой благодарности! — Она подскочила к мужу и больно потянула его за ухо.

— Да я и не думал смеяться, просто в горле запершило, — буркнул отец Цзи.

— Ишь, оправдывается! Я же сама все слышала!

Сяо Хэ и Цао-гэр переглянулись, едва сдерживая улыбки.

Цзи Жунху посмотрел на отца, затем на мать и молча пересел со своей табуреткой подальше от греха.

А только что поднявшийся Цянь Сюэчэн тихонько опустился обратно на свое место.

—

<http://bllate.org/book/17885/1735705>